

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-268-281

Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРСКОГО СОЗНАНИЯ В США

В.И. Спиридонова

Институт философии РАН

Ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, Россия, 109290

Аннотация. В статье исследуются истоки формирования имперского дискурса в американской политической культуре и геополитике, который в конце XX — начале XXI века принимал заимствованные формы — «внетерриториальной империи», «неформальной империи», «позитивной империи», «культурной гегемонии». Латентность имперского сознания США обусловлена рядом причин. Во-первых, исторический факт борьбы за освобождения от колониального господства Британии оставил глубокий след в «политическом воображаемом» американского народа и породил убеждение, что сами США никогда не были, не являются и не могут быть империей. Вторым фактором стала семантическая эволюция, произошедшая в американской трактовке власти. Америка фактически не прошла исторического пути, выработавшего в Европе идею «монополии на легитимное насилие». Идея «распыления» власти укоренила в общественном сознании приоритет силового фактора вкупе с допустимостью применения силы по своему усмотрению. Внутри оба мотива расценивались общественным сознанием как демократические. Однако, став ключевыми импульсами в международной политике, они привели к эгоцентричному и циничному игнорированию права и возрождению неоимпериализма. Третьей составляющей «имперскости» явился мощный мессианский аргумент, вера в особое предназначение американской нации по созданию идеального общества, которую принесли с собой в «terra nullis» (на «ничейную землю») переселенцы Нового Света. Этот тезис стал фундаментальным для общественного мнения и для всех руководителей Америки. Обоснование концепции «мягкой силы» и «культурной гегемонии» не умалило значимости «силового фактора», породившего новые формы империализма — размещение военных баз и экономический диктат. Диапазон американского доминирования отличается большой гибкостью — от взаимовыгодного сотрудничества в Европе («империя по приглашению») до прямого военного вторжения в «страны-изгои».

Ключевые слова: американское самосознание, «формальная империя», «внетерриториальная империя», «позитивная империя», гегемония, геополитическое мессианство, демократия, силовой фактор

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 90-х годов XX столетия в США оживился имперский дискурс. Он стал все чаще использоваться поклонниками американского образа жизни, причем исключительно в позитивной коннотации. Америку награждали такими эпитетами как благожелательная, дружелюбная, либеральная империя, гарантирующая порядок и стабильность [8; 9; 18]. Отрицая малейшую причастность к колониаль-

© Спиридонова В.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ному имперскому прошлому Европы, американская мысль выработала приемлемый для себя образ империи, в основе которого лежит не риторика эксплуатации или диктатуры, а культурная гегемония. Своеобразной этической вершины идея мессианской добродетели достигла в концепции Дж. Ная о «мягкой силе». Последняя трактуется как возможность моделировать прогрессивные правила для всего мира и распространять американский образ жизни в международном сообществе. То, что всякая империя стремится к мировому господству, было известно и ранее. Новизна американского толкования состоит в том, что акцент целиком и полностью делается на добродетельном и благом характере новейшего исторического феномена американского владычества.

Цель данной статьи — показать реальную силу имперских амбиций США, глубоко укорененных в национальной культуре, а также неизменность приоритета силового фактора для реализации мирового доминирования.

ИСТОКИ АМЕРИКАНСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МЫСЛИ

Корни американского понимания себя как «позитивной империи» уходят далеко в историю страны, сформировавшей современное состояние «политического воображаемого» США. Здесь сосуществуют несколько факторов. Прежде всего, широко известен тот период становления североамериканского государства, когда народ боролся против британского колониального господства. Оставив глубокий след в коллективном бессознательном не только самого американского народа, но и в мировой политической идеологии, Америка долгое время воспринималась как поборник антиколониальных движений за освобождение. Известно, что Франклин Рузвельт выступал за демонтаж европейских колоний вплоть до Второй мировой войны, когда Франция и Британия, все еще обладавшие значительным колониальным потенциалом, были союзниками США по антигитлеровской коалиции. Это и по сей день дает американцам право верить, что их страна не может стать оплотом империализма.

Второй фактор некоторые авторы называют семантическим [6]. Речь идет о разнице в традициях интерпретации категорий властвования — европейской и американской. Первая берет начало в латинском римском праве, в котором понятие империя подразумевало абсолютную власть, подкрепленную прямым силовым вмешательством, и являлось синонимом деспотизма. Американская теория рассматривает свою «имперскую функцию» в ином континууме «власти», который преодолевает исторически жесткие формы, ассоциирующиеся с территориальной аннексией и этническими чистками, и принимает вид «мягкой силы» («soft power»), теоретически предпочитающей дипломатические методы урегулирования. Такое доминирование подразумевает установление контроля одного, более развитого и цивилизованного государства, над другими государствами, или же над ее администрацией. В этой ситуации нет необходимости применять прямое физическое насилие или осуществлять военное вторжение. Достаточно привлечь на свою сторону руководство данной конкретной страны. И тогда можно утверждать, что империя классического типа превращается в так называемую «формальную империю» («*imperium formel*»), к которой в США причисляют собственную актуальную форму правления.

Отличие американского экспансионизма от классического колониализма нередко подкрепляется доводами о том, что отдельные территории самой Америки были приобретены на основе коммерческой сделки. Речь идет, в частности, о французской Луизиане, русской Аляске и даже Мексике. При этом умалчивается о том, что приобретение французской Луизианы, которая практически удвоила территорию США, произошло в тот момент, когда Наполеон находился настолько в стесненных политических обстоятельствах, что не мог удерживать власть над иностранными владениями. Что касается Мексики, то у этой страны фактически не было выбора как у более слабого противника в противостоянии с более сильным соседом в период Американо-Мексиканской войны, результатом которой и было отторжение огромной территории. Тогдашний президент Мексики Порфирио Диас воскликнул по этому поводу: «Бедная Мексика! Она так далеко от Бога и так близко к Соединенным Штатам» [14]. Даже американский генерал У. Грант, во время войны бывший еще офицером, считал эту войну одной из самых несправедливых войн, когда-либо происходивших между сильной и слабой нациями ради приобретения новых земель.

К указанному «семантическому» аргументу примыкает «мессианский аргумент», который декларирует особое предназначение Америки. Смысл идеологического водительства был сформулирован еще в XVIII веке, в период войны за независимость, одним из родоначальников американской политической мысли Томасом Пейном в серии памфлетов «Американский кризис». Лозунг, предложенный Т. Пейном во введении к эссе 1776 года «Здравый смысл» и глубоко усвоенный американским общественным мнением, звучит так: «Дело Америки во многом является делом всего человечества» [16]. Именно этот тезис стал краеугольным камнем национального сознания американских граждан.

Таким образом, можно говорить том, что Т. Пейн впервые озвучил идеологическое кредо американской исключительности в политической теории. Это убеждение уходит корнями в религиозные идеалы и имеет силу неоспоримости религиозной Веры. Колонисты полагали себя исполнителями особой религиозной миссии по созданию нового идеального общества, призванного стать образцом для всего остального человечества. Носителями этой идеи были пуритане, составлявшие значительную часть первых переселенцев на американский континент. Они верили, что обязаны использовать уникальную возможность, которая предоставлена самим Господом Богом, дающим им шанс построить на чистом месте Божий «Град на Холме». Именно так эта мысль была выражена британским юристом, пуританином Джоном Уинтропом, впоследствии ставшим губернатором штата Массачусетс, в его проповеди «Модель христианского милосердия» [2], которую он произнес перед пассажирами корабля, отплывшего из Англии в Новый Свет в 1630 году. Об этой проповеди знает каждый просвещенный американец, и мифология «Града на Холме» как органическая часть американской идеологии до сих пор является обязательной программой риторики всех президентов Соединенных Штатов [5].

Современная американская интеллектуальная элита глубоко убеждена в том, что Америка несет благо и свет всему миру и имеет при этом право действовать

любыми методами, даже идущими вразрез с положениями международного права. Профессор социологии Дублинского университетского Колледжа Стивен Меннел, автор книги «Американский цивилизационный процесс» [13], вспоминает реакцию американской исследовательницы на критику внешнеполитического курса США в книге Майкла Манна «Некогерентная империя», в которой тот обвинял Америку в возрождении принципов неоимпериализма. «Но ведь Америка действует во благо всего мира!» — недоуменно воскликнула она. Ст. Меннел приводит также слова американского советника по национальной безопасности при Буше-старшем, который написал в 2007 году: «Мы теряем нашу особую ауру, веру в то, что США не рядовая держава, одна из многих других... Все чаще на нас смотрят как на одну из стран, которая всего лишь отстаивает свои собственные интересы, и ничего больше» [14]. Символика «особого предназначения» Америки в мире составляет одну из глубинных черт национального менталитета, который оправдывает любые действия США по отношению к другим странам. Их «миссия» выше любого закона, выше международных норм права. Более того, американцы убеждены, что их страна может являться источником этого права и может диктовать правила поведения другим народам и государствам «ради их же блага».

Превратности истории, однако, преобразовали цивилизаторскую миссию в дихотомию «цивилизация — варварство», в бремя дарования свободы и просвещения так называемым «нецивилизованным» народам. Еще со времен освоения Нового континента и вытеснения индейцев с их исконных земель в американском сознании существовало убеждение правоты своих действий в отношении туземцев. Основанием для этого являлось распространенное мнение, что «туземцы» не являются людьми в полном смысле этого слова, а всего лишь «дикарями», творениями, лишенными разума, поскольку не соответствуют европейским идеалам и не являются христианами.

Идея «цивилизаторской миссии» подкреплялась легалистскими положениями о так называемой «terra nullis» («ничейной земле»). Первоначальное значение термина происходит от статьи Римского права, говорящей о «ничейной вещи» (*res nullius*), т.е. вещи, не имеющей законного собственника. К этому разряду в античности относили, например, диких животных, потерявшихся рабов или покинутые строения. Считалось, что они могут быть присвоены любым гражданином через конфискацию, изъятие или захват. Что касается понятия «terra nullis» как производного от *res nullius*, то с развитием международного права оно приобрело значение «ничейной территории» (*territorium nullius*), что существенно меняет суть исходного смысла. Ничейная территория — это территория, которая не была в **хозяйственном использовании**. Классическим примером полагаются арктические области земного шара.

Сегодня смысл этого понятия трансформируется в атрибут экономически неэффективной, недостаточно рациональной с точки зрения мирового сообщества эксплуатации природных ресурсов. В таком контексте оправданы любые завоевания более прогрессивными и технологически передовыми нациями владений так называемого «нецивилизованного» населения, которое квалифицируется как живущее в «естественном состоянии» или в состоянии «примитивного общества».

Земли, принадлежащие такому народу, объявляются «пустынными и недостаточно культивируемыми». Более того, допускается «освобождение» обладающих природными богатствами территорий от населяющих их «малокультурных» этносов. Именно таким образом поступили американцы с коренным населением Северной Америки. Эта концепция таит в себе сегодня «новые перспективы» и далеко идущие последствия. Ультиматум с подобными основаниями предъявляется, в частности, России, которую объявляют «несправедливо» владеющей огромными запасами природных ископаемых.

СИЛОВОЙ ФАКТОР В АМЕРИКАНСКОМ СОЗНАНИИ И В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С началом XXI века среди исследователей усилилась дискуссия о том, к какому типу мирового господства можно отнести современные США, а именно чем они являются — империей или гегемонией [1; 3; 4; 7]. Этот спор вызван пристальным вниманием к работам итальянского философа А. Грамши, в частности к его теории культурной гегемонии и близким к ней по смыслу концепциям «позиционной войны» и «пассивной революции». Речь идет о переоценке инструментов классического колониализма и империализма, связанных с прямым захватом территорий и установлением открытого диктата в завоеванных странах со стороны «сильных» государств, которые в прошлом веке были представлены в основном европейскими нациями. Прямое администрирование «великих держав» показало свою неэффективность из-за растущего сопротивления местного населения иноземной эксплуатации. На смену прямому вторжению пришла так называемая «мягкая сила» — использование культурных рычагов воздействия, в том числе новейших коммуникационных технологий и мировой сети Интернет для организации «бархатных переворотов». Отныне целью «косвенного вторжения» стало учреждение правящего режима, полностью подчиненного интересам метрополии и осуществляющего ту же эксплуатацию людских и природных ресурсов, но в завуалированной форме. Образование подотчетного местного правительства менее затратно с финансовой точки зрения и позволяет избежать военных потерь для господствующей «сверхдержавы».

Соединенные Штаты начали особенно активно проводить такую политику после падения Советского Союза, развивая успех победы в холодной войне. Именно эта стратегия позволила наречь Америку «формальной», «внетерриториальной», «благожелательной» империей. Однако тактика «чистой войны», «хирургических ударов» и «сопутствующего ущерба» не означала в реальности отказа от милитаризма, применения военной силы и фактического расширения зон влияния и доминирования США в мире. Это доминирование приняло новые формы, опорной точкой которых стало расширение военных баз и масштабов американского военного присутствия.

Такой способ завоевания был успешно протестирован Америкой еще в середине XX века. В работе французского профессора Пьера Меландри, исследователя в области международных отношений и специалиста по истории США, представлена карта мира 1950-х годов под многозначительным названием «Американская

империя в середине 1950-х годов» [12. Р. 450]. На ней серым цветом выделены регионы земного шара, которые, как обозначено в пояснениях, являются странами, с которыми США связаны на тот момент времени договорами по взаимной обороне. На этой карте в «американскую империю» входит все западное полушарие, а также почти вся Западная Европа, Австралия и часть стран Евразии. Всего — 43 государства.

L'EMPIRE AMÉRICAIN AU MILIEU DES ANNÉES 1950

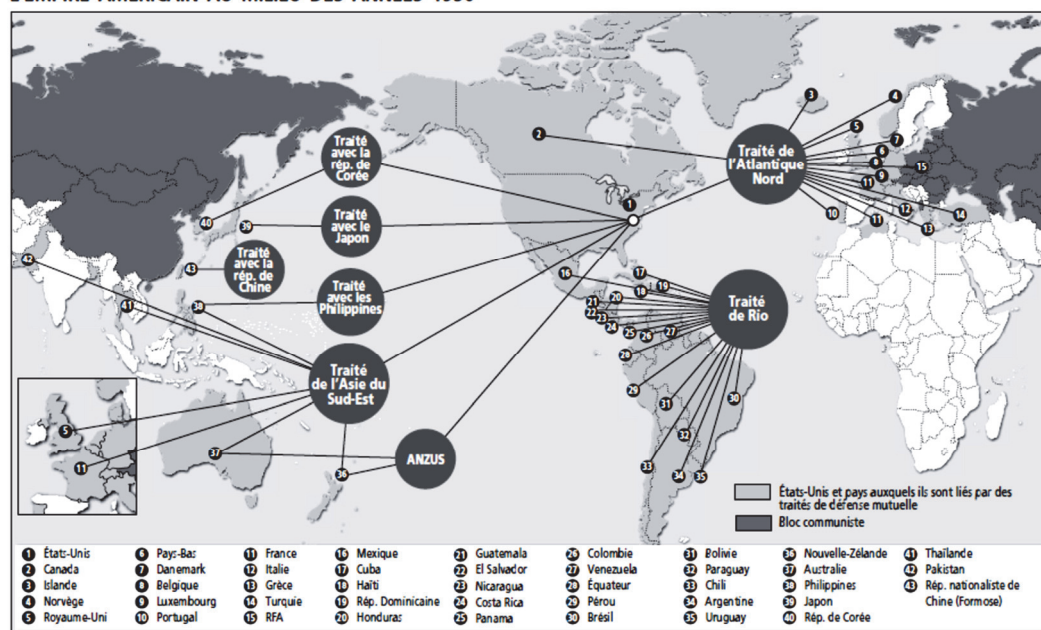

Рис. 1. Американская империя в середине 1950-х годов [12. Р. 3] /
Fig 1. The American Empire in the mid-1950s

С наступлением так называемого «однополярного момента», то есть с момента крушения СССР, территория «американской империи» значительно расширилась, главным образом за счет стран Восточной Европы и бывших советских республик, входивших ранее в зону влияния СССР. В 2012 году США имели уже более 700 военных баз по всему миру, их военные расходы составляли почти половину общемировых (49% в 2012 году). Для сравнения Великобритания, Франция и Россия, вместе взятые, обладали тогда не более 30 военными базами на иностранных территориях [12. Р. 463].

Именно оружие в союзности с секретными службами сделали Рах Америка легитимным. И это произошло не в качестве «формальной империи», как о том заявляют ее адепты, а с использованием материальной военной силы. И, что самое важное, американское господство стало результатом демонстрации превосходства реального военного потенциала не только по отношению к противникам, но даже по отношению к союзникам. «Сеть» военных баз — это та реальная, а не виртуальная сеть, благодаря которой США доминируют в мире. Таким образом, военная сила, пусть и в форме военного присутствия, всегда оставалась

и до сих пор остается главным орудием завоевания мира. Именно это, а не прокламируемая «благожелательность» американской Империи, несущей ценности демократии и свободы, делает ее «незаменимой нацией», по выражению Хиллари Клинтон.

Значимость силового фактора в американской политике находит объяснение при анализе некоторых важных черт американского сознания, которые стали итогом социально-исторических обстоятельств формирования американской нации. В этом отношении интересно парадоксальное, на первый взгляд, высказывание голландского историка, социолога и антрополога Питера Спиренбюрга, изучавшего становление американского характера. В одноименной статье он утверждает, что «демократия в Америку пришла слишком рано» [17].

Дело в том, что в США цивилизационный процесс исторически шел иным путем, нежели в Европе. В отличие от Старого Света там не сложился монолитный класс или сплоченная группа элит, которые постепенно в результате длительного процесса образования государства и трансформации форм государственной власти привели к созданию феномена, который М. Вебер определил как «монополию на применение насилия». Другими словами, в американском обществе не созрели предпосылки для достаточной концентрации и централизации власти, которая получила бы легитимное право в качестве единственного института на использование насилия. Насилие осталось «распыленным» среди индивидуумов. Соответственно, в Америке не наблюдалось естественного для европейского общества процесса исторической борьбы за «демократизацию» власти, т.е. за расширение «зоны контроля» и за «участие» масс в управлении обществом.

В европейской модели при этом самая «опасная» зона реализации власти — применение силового воздействия — неизбежно оставалась за единственной субстанцией — за государством. Американское общество и американское массовое сознание сохранили в полной мере, излишней для зрелой демократии, право на обладание и применение оружия, право на индивидуальную «вооруженную самооборону» в каждом бытовом, часто вовсе незначительном случае. П. Спиренбюрг пишет: «У американцев не было исторического времени, чтобы принять возможность отказаться от личного применения оружия. Соответственно, оказалась очень живучей идея о том, что само существование монополии на применение силы нежелательно» [17. Р. 109].

В этом смысле важно не только «распыление» насилия внутри самого американского общества, но и то, что «силовой принцип» был легко перенесен в сферу внешней политики США. Поскольку вооруженная самозащита есть основополагающий принцип американской этики, естественным оказывается желание постоянно наращивать силу, чтобы стать могущественнее, чем соседи. Опыт такого рода лежит в основе современного внешнеполитического милитаристского мышления.

Другим следствием «распыления» применения насилия явилось устойчивое убеждение, что американцы имеют право применять силу по своему усмотрению. В международном плане это трансформировалось в специфическое поведение Америки, которая действует исходя из того принципа, что американский закон

имеет привилегированный статус, что он выше всякого иного законодательства, включая международное право. Такая демократическая перверсия создала парадоксальную ситуацию, когда под эгидой «продвижения ценностей демократии и свободы» США получают фактически «всемирную» монополию на использование силы. Они предстают как центральное звено «мирового государства», как метрополия, предлагающая свои правила игры остальной периферии. Гордясь отсутствием в своей истории монархического периода монополизации власти, который естественно-исторически пережила Европа, США сегодня становятся в позицию своеобразного «высшего класса», «мировой аристократии», «монархического абсолютистского начала» по отношению к остальному миру и к той же Европе, замечают Ст. Меннел и Б. Пончараль [14].

Устойчивое самоощущение своей «исключительности» подкрепляется известным эгоцентризмом, или «самоконцентрацией» американцев, что делает затруднительным адекватное понимание ими других народов и пренебрежительное отношение к их судьбам. Возникает опасный парадокс. Имея глобальное влияние и вмешиваясь по собственному разумению во внутренние дела других стран, позиционируя себя как носителей «идеалов Добра», США не отдают себе отчета о последствиях таких вторжений. А последствия эти оказываются катастрофическими не только для отдельных стран и народов, но и для всего мира. Поэтому сегодня растет число государств, не удовлетворенных действиями Америки на международной арене.

Выше говорилось о теоретической эволюции интерпретации концепции власти как «мягкой силы». Симптоматично, однако, что тот же Дж. Най, автор этой теории, подчеркивает преобладание в американской политической культуре акцента на «жесткую власть». Он пишет по этому поводу: «В США существует мощная историческая тенденция использовать инструменты *жесткой власти* (*hard power*) такие, как принуждение и деньги... Это есть отчасти отражение общей американской политической культуры и ее институтов, культуры, в которой ни один президент не хочет показаться «мягким» (*soft*)...» [15. P. 26].

Осознавая эту особенность, Дж. Най в статье «Баланс власти в XXI веке» предлагает новое восприятие формирующейся системы мирового могущества. Обращаясь к излюбленной в американском мышлении метафоре «шахматной доски» как образа пространства «Большой игры», он заявляет, что отныне, в глобальную информационную эпоху, эта игра разворачивается в модели, скорее похожей на «сложные шахматы трехмерной графики» («un jeu d' échecs complexe en 3D») [15. P. 23]. На верхнем уровне **по-прежнему остается военная мощь**. Поскольку на момент написания статьи, в 2013 году, США представлялись единственной военно-могущественной державой в однополярном мире, то Дж. Най с уверенностью объявляет Америку главной страной, способной доминировать в этом отношении в ближайшие годы. Далее, на «среднем уровне», работает экономическое преимущество, которое может быть разделено между США, Европой, Китаем и Японией, и таким образом этот уровень власти можно считать многополярным. Наконец, на третьем уровне — мнений и частных предпочтений — действует множество отдельных акторов. В этой ситуации «шах-

мат 3D», констатирует американский исследователь, уже нельзя говорить об однополярности, многополярности, гегемонии или империи. Нужно искать новую терминологию и разрабатывать новые концепции власти и поведения.

Главной политической задачей в ближайшие годы, считает Дж. Най, должно стать умелое сочетание «жесткой власти» и «мягкой власти», которая через убеждение воздействует на массовое сознание и формирует его в том ключе, который в максимальной степени соответствует интересам сильнейшей державы мира. Формирование альянсов и разного рода новых «сетей» позволит Америке, считает он, удержаться в первом ряду, используя в разных ситуациях комбинации «жесткой» и «мягкой» силы, и таким образом воздействуя на реципиентов через новую формулу — формулу «умной силы» (*smart power*). Поскольку ключевым элементом информационного общества, в который вступил мир, является «сообщение», то в этом процессе выиграет тот, кто сможет так выстроить «стратегию коммуникации», чтобы «завоевывать умы и сердца» («gagner les coeurs et les esprits»). Ибо в эру информации «успех зависит от той истории, которую вы рассказываете» [15. Р. 28].

Подобные рассуждения, формулирующие исходные понятия новой идеологии «пост-американского мира», но по-прежнему «американской эры», делают понятными развернувшиеся с недавнего времени ожесточенные бои на невидимом фронте медиалжи и бесконечных фейков. Понимая таким образом баланс могущества, необходимо сформировать новую историю побед и представить ее мировому сообществу таким образом, чтобы оно не ошиблось в выборе нового владыки мира. При этом самые острые стрелы должны быть направлены против «варваров», которые, как известно, погубили Римскую империю, участи которой хочет избежать современная Америка.

ЭТА МНОГОЛИКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Длительный период мирового колониального владычества придал понятию империи в глазах общественности негативную коннотацию. В результате мы имеем парадоксальную ситуацию. С одной стороны, ни одно государственное образование не хочет признавать себя империей. Например, японцы обозначают период своего доминирования в Восточной Азии «эпохой совместного процветания». Британцы, хотя и гордятся временами, когда над их заморскими территориями «никогда не заходило солнце», все же предпочитают говорить о своей «цивилизаторской миссии». Современные американцы объявляют себя флагманом свободы и демократии.

Однако реалии мировой политики, особенно после краха Советского Союза, имеют все характеристики имперского господства. Это, прежде всего, сам факт концентрации и централизации мировой власти в одном центре как естественный атрибут торжества «однополярного мира». основополагающий признак империи — выстраивание системы власти, при которой единственный центр осуществляет свое силовое влияние над периферией таким образом, что все «лучи власти» сходятся в одной точке, в одном центре принятия решений, через который ком-

муницируют остальные члены сообщества. Квинтэссенцию подобной ситуации выражает исторический афоризм — «все дороги ведут в Рим». Он нисколько не потерял своей актуальности, с той только разницей, что место «первостоллицы» мира разделили между собой Вашингтон как политический центр и Нью-Йорк как ее финансовая ипостась.

Имперские амбиции США в мире, где никто не может составить реальную оппозицию их военной и финансовой мощи, достигают планетарного масштаба. Однако разница потенциалов развития отдельных стран столь велика, что новая американская империя принимает различные формы доминирования. Они варьируют от прямого военного вмешательства в государствах, которые США обозначают как «страны-изгои», до достаточно мягкого переговорного процесса, который можно квалифицировать как взаимное соглашение на гегемонию, что имеет место, например, в случае экономически развитых стран Европейского Союза. Преподаватель Калифорнийского университета, социолог британского происхождения, автор известного бестселлера «Некогерентная империя» [10] Микаэль Манн выделяет пять моделей — «идеальных типов» американского неоимпериализма [11].

Хронологически первым образцом является так называемая **«прямая империя»**. Речь идет о неприкрытой аннексии территории метрополией. Этот процесс был воспроизведен в Америке во времена истребления индейцев, при ассимиляции первых французских и испанских колонистов, а также мексиканских племен.

Второй вариант — это **«косвенная империя»**. Это — тот случай, когда вся суверенная власть остается за метрополией, но сохраняется видимость автономии, так как администрирование осуществляется через правительство, полностью зависимое от центра. Этот метод был апробирован Британской империей. Официальный правитель Египта с 1883 по 1907 год лорд Кромер писал: «Мы не управляем Египтом. Мы управляем только правительством Египта» [11]. Британцы тогда действовали косвенно, как «кураторы» местного руководства. В новейшей истории мы стали свидетелями обращения США к подобной схеме осуществления своего влияния. Эта модель реализовывалась практически на всем постсоветском пространстве. Сегодня она воплощается на Украине.

Третья, самая характерная для американской политики имперская модель поведения — **«неформальная империя»**. Суть ее в том, что формально «периферийные» государства сохраняют видимость суверенитета, но в реальности их власть ограничивается той или иной формой запугивания, устрашения или принуждения со стороны метрополии. Здесь существует два варианта — угроза прямого военного вторжения или ее экономические эквиваленты. Классическим примером первого типа являются исторические события в Корее и Вьетнаме, а также совсем недавние — в Ливии и Сирии. Того же эффекта достигает и экономическое принуждение, которое ослабляет страну, доводя ее до полной зависимости от метрополии. Это происходит либо через рычаги «свободного торгового обмена», который выгоден для сильной экономики и ведет к краху более слабую, а также через внешние займы, через приобретение иностранными банками ведущих секторов экономики.

Четвертая форма современного империализма — **«экономический империализм»**. Самым распространенным и эффективным его инструментом является политика санкций, которые принимаются по чисто политическим мотивам и являются элементом «устрашения», заменяющим военное нападение.

Наконец, пятым видом имперского доминирования выступает **гегемония**. Это тот случай, когда нет необходимости в силовом принуждении. Такая разновидность империи часто называется «империей по приглашению» или «по согласованию». «Государства-клиенты» прекрасно осознают свою зависимость от метрополии. Но при этом добровольно подчиняются гегемону, принимая его «правила игры», которые воспринимают как «нормальные». Немалую роль при этом играют технологические заимствования и финансовые «субсидии» со стороны метрополии.

К характерным особенностям американского господства в современном мире относятся огромная гибкость и разнообразие сочетаний различных типов имперского влияния во времени и пространстве. Так, в Европе — это, главным образом, доминирование гегемонистского типа, которое иногда доходит до взаимовыгодного сотрудничества и потому не ощущается как зависимость и принуждение. На Ближнем Востоке, напротив, имеет место силовое принуждение, переходящее в военное. В Латинской Америке, исторической вотчине США, имперская политика меняет вектор чаще, чем в других регионах мира, показывая наибольшее разнообразие гибридных форм империи.

Важно, однако, что американцы вне зависимости от формы господства постоянно наращивают свое военное присутствие, подтверждая, что основой империи остается мощный силовой фундамент. Квинтэссенцией его смысла стала высокомерная формула руководителей «Града на Холме»: «Когда враг видит мощь и амбиции, он отступает. Когда он улавливает слабость и робость, он может начать сопротивляться» [11]. Таким образом, хотя сегодня и говорят об Америке как о «формальной империи», «империи без колоний», в реальности она является «неформальной военной империей», «неформальной силовой империей», призванной устрашать и «ставить на место» страны, претендующие на реальный суверенитет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вуалируя смысл неоимпериализма категориями «формальной империи», «нетерриториальной империи» и манипулируя терминами «империи» и «гегемонии», США пытаются представить свои действия как «благо» для всего мира. Американские неоконсерваторы, которых называют «гуманитарными ястребами», настаивают на неизбежности американского лидерства. Они утверждают, что Америка — единственная сверхдержава, которая вносит стабильность в мировой процесс, несет миру ценности свободы и демократии и поэтому является «исторической нормальностью».

Однако «гуманитарные» эпитеты не меняют реальности. Главным признаком империи остается господство, стремление определять судьбы иных народов.

И в этом смысле не имеет большого значения то, каким образом осуществляется фактическое доминирование — с помощью прямого насилия или «мягкой силы», каким образом опрокидываются режимы и сменяются законно избранные правители — через насильственный переворот или путем «цветных революций». Истинные намерения метрополии по-прежнему претендуют на перераспределение природных и человеческих ресурсов в свою пользу.

Очевидно, что на данный момент США являются самой могущественной империей, когда-либо существовавшей в истории человечества. Америка, действительно, не оккупирует на постоянной основе иностранные территории, как это было во времена классического империализма XIX и XX веков. Однако она присутствует в военно-милитаристской, экономической и культурной формах практически во всех регионах мира, сохраняя акцент на применение силы, пусть и в новых формах. Это, несомненно, является главным атрибутом нео-империализма. Именно поэтому возникают очаги сопротивления американскому Новому порядку в евро-азиатском и в латиноамериканском регионах. При этом в эпицентре противостояния американскому давлению на данный момент оказываются Китай и Россия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Арриги Дж.* Утрата гегемонии — II // *Прогнозис*. 2005 № 3 (4). С. 6—36. Режим доступа: http://www.prognosis.ru/prog/autumn_2005.pdf. Дата обращения: 24.01.2019.
- [2] *Михайлов С.А.* Идеология американской исключительности и ее исторические корни // *РИСИ*. Аналитика. 20.02.2016. Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/26992/>. Дата обращения: 14.01.2019.
- [3] *Хант М.* Между империей и гегемонией: сумятица в политике США // *Полис*. Политические исследования. 2008. № 6. С. 7—10.
- [4] *Alain J.* L'empire du chaos. Les Républiques face à la domination américaine dans l'après-guerre froide. P.: La Découverte, 2002. 224 p.
- [5] *Friedmann M.P.* From Manila to Baghdad: Empire and the American Mission Civilisatrice at the Beginning and End of the 20th Century // *Revue française d'études américaines*. 2007. № 113. P. 26—38.
- [6] *Guerlain P.* Le retour du discours impérialiste aux États-Unis // *Revue française d'études américaines*. 2007. № 3 (113). P. 5—25. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-francaise-d-etudes-americaines-2007-3-page-5.htm>. Дата обращения: 23.12.2018.
- [7] *Golub P.S.* Un goût de sang dans le jungle: L'empire américain revisité // *Mouvements*. 2009. № 57. P. 160—173.
- [8] *Ignatieff M.* Empire Lite: Nation-Building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan. L.: Vintage, 2003. 144 p.
- [9] *Kagan R.* The Benevolent Empire // *Foreign Policy*. 1998. № 111. P. 24—35.
- [10] *Mann M.* Incoherent Empire. London & New York: Verso/ Norton, 2003. 278 p.
- [11] *Mann M.* Impérialisme économique et imperialism militaire américains. Un renforcement mutuel? // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2008. № 1. P. 20—39. DOI: 10.3917/arss.171.0020. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-actes-de-la-recherche-en-sciences-sociales-2008-1-page-20.htm>. Дата обращения: 04.02.2019.
- [12] *Mélandri P.* Le déclin de l'empire américain? // *La fin des Empires*. P.: Éditions Perrin, 2016. P. 449—469.
- [13] *Mennell St.* The American Civilizing Process. Cambridge: Polity Press, 2007. 400 p.

- [14] *Mennell St., Poncharal B.* L'histoire, le caractère national et la civilisation américaine // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire.* 2010. № 2. P. 143—159. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-vingtieme-siecle-revue-d-histoire-2010-2-page-143.htm>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [15] *Nye J. S.* L'équilibre des puissances au XXIe siècle // *Géoeconomie.* 2013. № 2/65. P. 19—29.
- [16] *Paine Th.* *Common Sense.* Philadelphia. 1776. Режим доступа: <http://www.revolutionary-war-and-beyond.com/common-sense-text.html>. Дата обращения: 10.01.2019.
- [17] *Spirenborg P.* *Democracy Came Too Early: A Tentative Explanation for the Problem of American Homicide* // *American Historical Review.* 2006. № 111. P. 104—114.
- [18] *Vaicbourdt N.* L'empire de la Liberté ou le déni d'Empire américain // *Monde(s).* 2012. № 2. P. 67—77.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-268-281

Research Article

THE ORIGIN OF AN IMPERIAL CONSCIOUSNESS IN THE UNITED STATES

V.I. Spiridonova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Goncharnaya, 12, 1, Moscow, Russian Federation, 109290

Abstract. The article examines the origins of Imperial discourse formation in American political culture and geopolitics. At the end of XX — beginning of XXI century it took disguised forms — “non-territorial Empire”, “informal Empire”, “positive Empire”, “cultural hegemony”. The latency of the US Imperial consciousness is due to a number of reasons. First, the historical fact of the struggle for liberation from the colonial rule of Britain left a deep trace in the “political imaginary” of the American people and gave rise to the belief that the United States itself has never been, is not and cannot be an Empire. The second factor was the semantic evolution that occurred in the American interpretation of power. In fact, America has not passed the historical path that developed the idea of a “monopoly on legitimate violence” in Europe. The idea of “dispersal” of power has rooted in the public consciousness the priority of the power factor, coupled with the admissibility of the use of force at own discretion. Inside, both motives were regarded by the public consciousness as democratic. The third component of imperialism became a powerful Messianic argument, the belief in the special destiny of the American nation to create an ideal society This Faith brought with them in the “terra nullis” (on “no man's land”) immigrants of the New World. This thesis has become fundamental to the public opinion and to all the leaders of America. The justification of the concept of “soft power” and “cultural hegemony” did not detract from the importance of the “power factor”, which gave rise to new forms of imperialism — the deployment of military bases and economic dictatorship. The range of American domination is characterized by great flexibility — from mutually beneficial cooperation in Europe (“Empire by invitation”) to direct military intervention into the “rogue States”.

Key words: American identity, “formal Empire”, “extraterritorial Empire”, “positive Empire”, hegemony, geopolitical messianism, democracy, power factor

REFERENCES

- [1] Arrighi G. Loss of Hegemony-II. *Prognosis.* 2005; 3 (4): 6—36. Available from: http://www.prognosis.ru/prog/autumn_2005.pdf. Accessed: 24.01.2019 (In Russ.).
- [2] Mikhailov S. The Ideology of American Exceptionalism and its Historical Roots. *Analytics.* 20.02.2016. Available from: <https://riss.ru/analytics/26992>. Accessed: 14.01.2019. (In Russ.).
- [3] Hunt M. Between the Empire and the Hegemony: Turmoil in American Politics. *Polis. Political research.* 2008; 6: 7—10 (In Russ.).

- [4] Alain J. L'empire du chaos. *Les Républiques face à la domination américaine dans l'après-guerre froide*. P.: La Découverte; 2002. 224 p. (In Fr.).
- [5] Friedmann M.P. From Manila to Baghdad: Empire and the American Mission Civilisatrice at the Beginning and End of the 20th Century. *Revue française d'études américaines*. 2007; 113: 26—38.
- [6] Guerlain P. Le retour du discours impérialiste aux États-Unis. *Revue française d'études américaines*. 2007; 3 (113): 5—25. Available from: <https://www.cairn.info/revue-francaise-d-etudes-americaines-2007-3-page-5.htm>. Accessed: 23.12.2018 (In Fr.).
- [7] Golub P.S. Un goût de sang dans le jungle: L'empire américain revisité. *Mouvements*. 2009; 57: 160—173 (In Fr.).
- [8] Ignatieff M. *Empire Lite: Nation-Building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan*. L.: Vintage; 2003. 144 p.
- [9] Kagan R. The Benevolent Empire. *Foreign Policy*. 1998; 111: 24—35.
- [10] Mann M. *Incoherent Empire*. London & New York: Verso/Norton; 2003. 278 p.
- [11] Mann M. Impérialisme économique et imperialism militaire américains. Un renforcement mutuel? *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2008; 1: 20—39. DOI: 10.3917/arss.171.0020. Available from: <https://www.cairn.info/revue-vingtieme-siecle-revue-d-histoire-2010-2-page-143.htm>. Accessed: 04.02.2019 (In Fr.).
- [12] Mélandri P. Le déclin de l'empire américain? *La fin des Empires*. P.: Éditions Perrin; 2016: 449—469 (In Fr.).
- [13] Mennell St. *The American Civilizing Process*. Cambridge: Polity Press; 2007. 400 p.
- [14] Mennell St., Poncharal B. L'histoire, le caractère national et la civilisation américaine. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2010; 2: 143—159. Available from: <https://www.cairn.info/revue-vingtieme-siecle-revue-d-histoire-2010-2-page-143.htm>. Accessed: 15.01.2019 (In Fr.).
- [15] Nye J.S. L'équilibre des puissances au XXIe siècle. *Géoéconomie*. 2013; 2 (65): 19—29 (In Fr.).
- [16] Paine Th. *Common Sense*. Philadelphia. 1776. Available from: <http://www.revolutionary-war-and-beyond.com/common-sense-text.html>. Accessed: 10.01.2019).
- [17] Spirenborg P. Democracy Came Too Early: A Tentative Explanation for the Problem of American Homicide. *American Historical Review*. 2006; 111: 104—114.
- [18] Vaicbourdt N. L'empire de la Liberté ou le déni d'Empire américain. *Monde(s)*. 2012; 2: 67—77.

Сведения об авторе:

Спиридонова Валерия Игоревна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель Сектора философских проблем политики Института философии РАН (ORCID ID: 0000-0002-6774-7203) (e-mail: vspirid@yandex.ru).

Information about the author:

Valeria I. Spiridonova — Doctor of Philosophy, Main Research Fellow, Head of the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-6774-7203) (e-mail: vspirid@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 02.02.2019.

Received 02.02.2019.

Для цитирования:

Спиридонова В.И. Формирование имперского сознания в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 268—281. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-268-281.

For citation:

Spiridonova V.I. The Origin of an Imperial Consciousness in the United States. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 268—281. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-268-281.